

Плетнев Михаил

78.05.05

Строгое обаяние Сибелиуса

Михаил Плетнев закрыл московский сезон

Последний концерт в этом сезоне дал в Москве Михаил Плетнев, выступив за пультом РНО. Как и на фестивале "Приношение С.Рихтеру", Плетнев анонсировал новую звезду европейского пианизма. В этот раз — 24-летнего Франческо Тристано Шлиме из Люксембурга, получившего Гран-при на конкурсе в Орлеане и пробующего себя как композитор и джазовый импровизатор. Казалось, что эти качества весьма уместны для избранной им программы: Первый концерт Равеля и Пятый — Прокофьева. Но как раз их-то — интересной фразировки, свободы в пианизме — почти не было.

Можно, конечно, списать не слишком удачное исполнение Концерта Равеля, где солист откровенно расходился с оркестром, на его плохое самочувствие. Об этом говорилось на пресс-конференции перед концертом. Но, скорее, здесь сказывается еще недостаточный концертный опыт. Более интересным показался прокофьевский Концерт, который в силу меньшей заигранности позволил сосредоточиться на чисто музыкальных впечатлениях. Да и по своей природе довольно прямое, жестковатое туше люксембургского пианиста близко образному строю музыки.

Все шероховатости первого отделения с лихвой искупило исполнение целой обоймы произведений Сибелиуса. Этот композитор, отчасти недооцененный российскими дирижерами, является одним из глубочайших (и последних) лириков XX века.

М.Плетнев сделал произвольную подборку, логично выстроив ряд от мистического "Туонельского лебедя" к ликующему "Возвращению Лемминкяйнена". Между ними прозвуча-

ла музыка к драме Метерлинка "Пеллеас и Мелизанда": примечательно, что она была написана в 1905 году, когда Дебюсси завершил оперу на тот же сюжет. Нет, наверное, больших антиподов, чем эти два композитора. Поэтому, привыкнув к тревожно-дурманящей атмосфере оперы, удивляешься, как, оказывается, по-иному можно прочесть эту драму. Здесь есть и строгая красота, и обаятельные танцевальные линии, и наивно-целомудренные образы.

Превосходно зазвучал оркестр, словно купаясь во всем великолепии оркестровых красок Сибелиуса. Особо хочется выделить молодого солиста оркестра, исполнителя на английском рожке Максима Орехова: его инструменту композитор поручил самые пленительные музыкальные фразы.

Меньше увлекла поэма "Бард", где нарисован портрет странствующего певца, поющего свою последнюю, предсмертную песнь. После невероятно пластичной метерлинковской сюиты появилось ощущение рыхлости формы. Но, скорее, это уже упрек композитору.

В последней поэме, носящей подзаголовок "легенда", Плетнев и РНО продемонстрировали, что им не чужды и внешние эффекты, если они заложены в природе музыки. Точно рассчитанное звуковое нарастание без труда пробило глуховатую акустику Концертного зала имени Чайковского, и герой финского эпоса "Калевала", Лемминкяйнен, победоносно прошествовал под горячие овации публики.

Евгения КРИВИЦКАЯ

Кривецкая-2006-5-48 стр. - 173